

Голосенко И. А. Козловский В. В. История русской социологии XIX-XX вв.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БИХЕВИОРИСТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: П. А. СОРОКИН

Проект бихевиористической социологии возник в России в начале XX в. Автором замысла был ученик И. Павлова профессор Г. Зеленый, которого поддержали многие известные ученые - В. Бехтерев, В. Вагнер, В. Ленц, Н. Болдырев и другие. В первом споре о целях и методах новой ветви социологии, который произошел в 1908 г. на одном из заседаний столичного философского общества, Н. Кареев, оппонент Г. Зеленого, предложил свой термин для ее обозначения - "рефлексология". Оба термина имели хождение в русской науке в качестве однопорядковых. Статьи Зеленого были переведены на немецкий язык, далее - на английский и имели успех в США, где возник термин бихевиоризм и появились сторонники нового подхода. В 1913 г. Д. Уотсон разработал целую программу бихевиоризма, как поведенческой науки.

"Добрые вести" из Америки стимулировали работу русских бихевиористов, среди которых необходимо отметить социологические, социально-психологические и "коллективно-рефлексологические" работы В. Бехтерева, П. Сорокина, А. Звоницкой, В. Горохова, В. Пипунырова, В. Савича и многих других. Несмотря на некоторые оттенки и расхождения в деталях все они предлагали строить социологию по методологическому стилю естественных наук. Г. Зеленый так и называл свой вариант: "естественно-научная социология". Отрицая интроспекцию и возможность прямой экспериментальной проверки сознания, они объявляли предметом исследования непосредственное, наблюдаемое межличное и межгрупповое "поведение", определяемое стимулами среды. Упор на индивидуальное и коллективное сознание, ценности и нормы, что отличало субъективную школу и неокантианство, признавался бихевиористами ненаучным. Предлагалась предельная объективность, "полное исключение" из научного исследования ценностных суждений и понятий (добра и зла, полезного и вредного, морального и аморального, прогрессивного и реакционного, справедливого и несправедливого). Центральной темой их анализа стала структура "социального взаимодействия", объявляемого своеобразным атомом поведения и описание элементов среды в виде бесконечных социальных групп и слоев. Переключение внимания на статику взамен динамики составляло исключительную черту данного направления, так же как подчеркивание важности экспериментальных и количественных процедур [1]. Среди русских социологов-бихевиористов первое место, без всяких сомнений, занимал П. А. Сорокин, по мнению многих знавших его лично или по сочинениям, социолог "милостью Божией".

Питирим Александрович Сорокин (1889 -1968)

Питирим Сорокин был крупнейшим русским, а позднее - американским социологом первой половины XX в. Его необычная биография, полная взлетов и падений, особенности его личного характера, глубокий альтруизм, и талант, чутье на новое обширные знания делали из него выдающегося социолога и социального философа.

Если из всей замечательной когорты русских социологов XX в. пришлось бы выбирать только одного, то безусловно, выбор пал бы на П.Сорокина. Его биография довольно хорошо известна, ибо он оставил несколько "воспоминательных" работ, написанных в разное время: "Листки из русского дневника", "Социология моей духовной жизни", "Долгое путешествие" и другие [2]. И кроме того, появились работы, использующие биографический метод при интерпретации творческого пути Сорокина [3].

В отличие от всех других социологов, представленных в этой книге, Сорокин был выходцем из социальных низов. Он родился в деревне Турье Вологодской губернии, его отец - русский, ремесленник по металлу и маляр, мать - коми, крестьянка. Сорокин усвоил от отца навыки его профессии и подрабатывал этим, скитаясь по северным деревням. Случайно он выучился грамоте, но все-таки закончил Гамскую второклассную школу и в 1904 г. поступил по рекомендации руководителя школы, заметившего его природные способности, в церковно-учительскую школу, которая была расположена в небольшом городке в Поволжье. Однако ее не закончил из-за ареста в 1906 г. за революционную деятельность в рядах эсеров. Четыре месяца тюремного заключения, вспоминал позднее П. Сорокин, были наполнены чтением сочинений Г. Спенсера, П. Лаврова, Н. Михайловского, В. Чернова, М. Кропоткина, Г. Плеханова и других, обсуждением их с заключенными, представителями других партий - анархистами, социал-демократами. Именно тогда у П. Сорокина родился глубокий интерес к социальным наукам, и сложились некоторые сюжеты его будущих научных работ. Испытывая материальную нужду и не видя возможности учиться далее в провинции, он решил перебраться в столицу. Найдя работу, которая позволяла сводить концы с концами, Сорокин начинает регулярно посещать вечерние общеобразовательные курсы Черняева, куда ему помог устроиться первый профессор из коми - К. Жаков, который стал старшим другом - наставником по науке молодого Сорокина. В 1909 г. он экстерном сдает экзамен на аттестат зрелости за гимназический курс и поступает в Психоневрологический институт, ибо только там была единственная в стране кафедра социологии. Этой науке он хочет посвятить свою жизнь.

У двадцатилетнего П. Сорокина установились не только академические, но постепенно и дружеские связи с руководителями и членами кафедры - М. Ковалевским, Е. Де Роберти и другими и с главой института академиком В. Бехтеревым. Ковалевский высоко оценил социологическую начитанность Сорокина и предложил ему курс лекций по социологии в рамках его собственной программы. Студент - и одновременно преподаватель - случай довольно беспрецедентный в истории высшей школы. Он читает лекции о предмете социологии и делает обзор основных концепций эволюции и прогресса. Часть этого материала публикуется в научных журналах.

В 1910 г. П. Сорокин перешел на юридический факультет столичного университета. За время учебы он публикует оригинальную монографию с длинным названием "Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали", которая была встречена благожелательно в научных кругах, и вызвала множество откликов, ряд социологических, юридических и этнографических статей, множество рецензий и обзоров профессиональных зарубежных журналов. Всего за годы студенчества он опубликовал 55 работ. В университете знакомится и близко сходитсся с Л. Петражицким, М. Туган-Барановским, М. Ростовцевым, И. Павловым. С некоторыми дружит до конца их дней. В ранний период научной деятельности Сорокин находится под влиянием позитивистов М. Ковалевского,

Е. Де Роберти. Э. Дюркгейма и неокантианца - Л. Петражицкого, но центральные его интересы на стороне эволюционистского позитивизма.

В 1914 г. П. Сорокин блестяще закончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию, что предполагало сдачу сложного экзамена и защиту магистерской диссертации. При успехе соискатель получал "степень магистра" и право при наличии места, ставок и последующих научных разработок претендовать на звание ординарного профессора. Именно этот путь прошла большая часть русской профессуры. Но были и докторские защиты без всяких устных экзаменов, к ним прибегали авторы серьезных и новаторских исследований (как правило, многотомных), тогда звание профессора получали почти автоматически. И, наконец, встречались наиредчайшие случаи, когда это звание присваивалось по совокупности трудов, минуя все перечисленные выше препятствия. Так было с философом В. Соловьевым, статистиком А. А. Чупровым, экономистом П. Струве, в известной мере так случилось и с Сорокиным. В конце 1916 г. он сдал экзамен и в начале 1917 г. становится приват-доцентом Петроградского университета, решив готовить новый для университета курс социологии права. Одновременно принимает энергичное участие в процессах институционализации русской социологии: преподает курс общей социологии по специальной программе в Психоневрологическом институте, Институте Лесгафта, создает и входит в бюро "Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского". Защита магистерской диссертации (в ее основу Сорокин подожил свою первую монографию - "Преступление и кара") была назначена на март 1917 г., были отпечатаны тезисы и сделаны соответствующие объявления по университету. Однако революционные события 1917 г. основательно поломали традиционные порядки в университете, а позднее научные степени и защиты были вообще отменены.

На весь 1918 г. П. Сорокин прекращает научную деятельность, он целиком поглощен деятельностью политической - как почетный член Учредительного собрания, публицист и редактор ряда эсеровских изданий, в частности, до января 1918 г. В итоге - тюрьма и угроза расстрела, от которого его спасает статья В. И. Ленина "Ценные признания Питирима Сорокина"; в ней автор разъяснил читателям "Правды" значение ранее опубликованных там же признаний Сорокина о банкротстве политики эсеров и желании целиком посвятить себя науке и народному образованию. Каковы же итоги этих пожеланий?

После Февральской революции Сорокин был секретарем А. Керенского по проблемам науки, по его совету премьер вводит преподавание социологии в русских университетах в качестве обязательного курса. В 1919 г. Сорокин становится членом Социологического института, на собраниях которого совместно с А. Гизетти и П. Люблинским читает курс по социологии для специалистов и проводит ряд эмпирических исследований социальной структуры послереволюционной России. Преподает социологию в ряде своеобразных научно-учебных учреждений той поры - "Живом слове", "Истории искусства", "Народном хозяйстве", в которых сотрудничали в эти годы А. Луначарский, К. Чуковский, А. Блок, Н. Гумилев, Е. Замятин и многие другие выдающиеся представители русской интеллигенции. В 1920 г. избирается руководителем кафедры общей социологии на факультете общественных наук Петроградского университета.

К 1920 г. Сорокин - автор уже нескольких трактатов (самый внушительный из них - двухтомная "Система социологии"), ряда брошюр и массы научных статей в периодической печати и академических сборниках, не считая множества политических

передовых, заметок, памфлетов в различных газетах [3. С. 139-146]. Исходя из этого, руководство факультета решило избрать Сорокина профессором без магистерской защиты. Была создана комиссия в составе профессоров М. Боголепова, Н. Лазаревского и И. Цызырева, которая рассмотрела наиболее серьезные сочинения П. А. Сорокина, сделала сообщение об этом на специальном заседании факультета, и в конце 1920 г. он был возведен в звание профессора.

После получения этого звания Сорокин продолжает работу над другими темами "Системы социологии". Эта работа, хотя и посвящена памяти "учителей" - Ковалевскому и Де Роберти, на деле показывает нам эволюцию раннего позитивизма Сорокина в сторону скептического отношения к эволюционизму, который сменяется у него системным анализом, функционализмом и бихевиоризмом. Последний он рука об руку с В. Бехтеревым защищал на специальных собраниях Социологического института, будучи руководителем "Лаборатории по коллективной рефлексологии". "Система социологии" была манифестом русского социологического бихевиоризма, что убедительно обнаруживалось в теоретико-методологической программе работы и полученных результатах. Он предлагал создавать "объективную социологию" на следующих принципах:

1. "Социология может и должна строиться по типу естественных наук" - этими словами он открывает свою программу "Системы социологии". В дальнейшем, на протяжении всей работы Сорокин подчеркивает, что в подобное понимание социологии он вкладывает не столько онтологический, сколько методо-гносеологический смысл, подчеркивая объективность и строгость общих методов, а не тождество предметов исследования. "Различны объекты тех и других дисциплин, но методы изучения этих объектов одни и те же. Ни о каком противопоставлении "наук о природе" и "наук о культуре"... не может быть речи" [5. Т. 1. С. IX]. Предшествующая социология до сих пор была наукой, в значительной мере изучающей "психические реальности", которые непосредственно не даны наблюдению, ибо не имеют "предметного характера". Их нельзя "ощупать, взвесить и измерить". Это ведет и вело к психологизму и субъективизму, освобождение от которых - насущная задача социологии. Эта задача выполнима, если социология будет изучать только акты поведения, доступные наблюдению и измерению.

2. При этом, если социология хочет быть "опытной и точной наукой", ей необходимо распрощаться с бесплодной метафизикой. Только строгое изложение данных наблюдения и обобщения, основанные на тщательном анализе фактов! "Хорошо проверенная статистическая диаграмма стоит любого "социально-философского" трактата [Там же. С. XI]. Социология опирается на объективные методы, на измерение и качественные процедуры получения добротного фактического материала. Что же касается излюбленного многими субъективистами приема интроспекции, "понимания", то его следует признать побочным, вспомогательным методом, к помощи которого можно прибегать на периферии работы, т.е. в редких, глубоко индивидуализированных социальных явлениях - актах жертвенности, обожания, религиозного экстаза и энтузиазма, выламывающихся за рамки повторяющейся, повседневной, массовой жизни и поведения [Там же. С. 69].

3. Отсюда все его выступления против нормативно-ценностного подхода в социологии, который "должен быть изгнан" из теоретической социологии как естественной и опытной науки. Нормативно-оценочные положения "по своей логической природе не

могут быть научными суждениями". При ценностном подходе объективным мерилom оказывается сам исследователь, начинающий в меру своих симпатий и антипатий, знания и невежества изучаемые явления собственными наиболее излюбленными представлениями [6]. Истина должна быть разъединена от добра, справедливости и т.п. принципов. Они несоизмеримы и гетерогенны. Другое дело, - продолжает Сорокин, - социология прикладная, практическая, социология как искусство. Здесь нормативизм уместен, так как сопутствует знанию, законам, сформулированным теорией. Практически социология осуществляет знаменитый афоризм Конта: "знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы уметь". Она должна быть системой рецептуры, указывающей точные средства для борьбы с социальными болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни: экономических, политических, научных, педагогических и т.п. Короче, она должна быть системой личной и общественной этики, теорией "должного" поведения, наилучшим образом использующей социально-психическую энергию.

4. Место многочисленных теорий единого решающего фактора должен занять методологический плюрализм и системный подход. Все так называемые факторы - есть элементы в более широкой системе взаимодействий, через которую и должны объясняться. Опираясь на эти принципы, он решает несколько принципиальных вопросов теоретической социологии: ее предмета, строения и междисциплинарных отношений со смежными науками, "закрывает" в своеобразной форме спор реалистов и номиналистов, определяет в качестве исходной единицы социологического анализа "социальное взаимодействие". Основные исследовательские усилия первого тома "Системы социологии" направлены как раз на изучение структуры "социального взаимодействия". К этому понятию прибегали многие русские социологи - Н. Кареев, Б. Кистяковский, Е. Де Роберти и другие, но Сорокин впервые создает развернутую концепцию на этот счет. Он объявляет "социальное взаимодействие" родовым типом различных проявлений общества как "системы систем". "Вся общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия двух или большего числа индивидов, и обратно - комбинируя различные процессы взаимодействия, мы можем получить любой самый сложный из самых сложных общественных процессов, любое социальное событие, начиная от увеличения танго и футуризм и кончая мировой войной и революциями... Процессы взаимодействия - являются теми нитями, из совокупности которых создается ткань человеческой истории... На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми и научными", - делает вывод Сорокин [Там же. С. 81].

Далее он рассматривает несколько важных взаимосвязанных вопросов, волнующих обычно сторонников системного анализа - структуру "социального взаимодействия", его типологию (и ее критерии) и социальную интеграцию, пытаясь сделать более доказательным свое исходное положение о том, что вся общественная жизнь состоит из взаимодействий индивидов. Без выделения в общественной жизни нескольких уровней (совсем неравноценных) взаимодействия, без дальнейшей конкретизации каждого уровня и их связей это абстрактно верное положение может оказаться теоретически пустым. И дань этой бессодержательности отдавал большой круг теоретиков-социологов на рубеже двух веков. Сорокин стремился избежать опасности такого рода.

Структуру "социального взаимодействия" он определял как связь трех элементов: индивидов (минимум - двух), вступающих в акт взаимодействия и этим обуславливающих поведение друг друга, "актов" (или действий их) и "проводников" этих действий. Каждый из перечисленных элементов анализируется им в специальных главах первого тома книги с привлечением широкого круга мировой социологической, психологической и прочей гуманитарной литературы, которая им критически обобщается. Оценка индивидов дается с точки зрения их возможностей в приспособлении к внешней среде, т.е. наличия нервной системы и способности реагировать на стимулы - раздражения, их физического, психического и социального полиморфизма, наличия потребностей, обеспечивающих контакты и т.п.

Совокупности актов, посредством которых обуславливаются взаимные переживания и поступки взаимодействующих индивидов - другой важный элемент структуры "социального взаимодействия". Каждый акт является, с одной стороны, внутренней реализацией собственной психической жизни, с другой - стимулом, раздражителем, вызывающим ту или иную реакцию у других лиц. "Вся жизнь людей представляет почти сплошной поток таких акций и реакций. Каждый из нас, в течение каждого дня, встречается с множеством людей, получает раздражение от множества действий других индивидов и принужден ежеминутно в той или иной форме реагировать на них". Социальный мир - это своего рода "вечный двигатель", непрерывно испускающий волны раздражений и непрерывно заставляющий нас реагировать на эти импульсы [Там же. С. 102-103]. Все эти акты Сорокин формально делит на следующие ряды: интенсивные и слабые, мгновенные и продолжительные, сознательные и бессознательные.

Третьим существенным элементом взаимодействия является совокупность "проводников" (материальных и символических), передающих реакцию одного индивида к другому: язык, письменность, живопись, музыка, орудия труда и войны, деньги, одежда, церемонии, образы, памятники, предметы быта и т.п. [Там же. С. III-112]. Иными словами, это ряд явлений, в которых объективируется поведенческая цепь "стимул - реакция". Эти явления, по Сорокину, имеют громадное значение для понимания социальной жизни, ибо насыщенность проводниками существенно изменяет различные аспекты взаимодействия, социального пространства и времени, как форм, в которых оно протекает. Насыщенность определенного природно-географического пространства множеством социальных проводников: железнодорожной, телеграфной, телефонной связью и т.п. сокращает социальное пространство.

Кроме того, наличие "проводников, символов" дает возможность объективно, количественно измерить степень интенсивности взаимодействия. Допустим, строгим учетом количества писем и телеграмм, падающих в среднем на индивида данной территории, количества митингов, лекций, заседаний в течение определенного времени, количеством телефонных абонентов и разговоров, количеством газет и их подписчиков, библиотек, их посетителей и числа взятых книг и т.п.

"Проводники" делятся Сорокиным на два типа: материальные и символические. Роль первых покоится на их физических качествах и свойствах, а роль вторых - на символическом значении, которое им приписывается [Там же. С. 120; 7].

В жизнедеятельности человека обнаруживается особенность, отличающая его от жизни биологических сообществ - аккумуляции проводников, которые, выламываясь из актуального взаимодействия, не исчезают как "акты", а могут сохраняться и даже постепенно накапливаться. Они слой за слоем оседают и создают в итоге вокруг

взаимодействующих людей новую, неприродную среду, т.е. сферу "социально-техническую, культурную, как застывший результат прошлых взаимодействий, органически включенных в настоящее взаимодействия" [5. Т. 1. С. 145]. Поэтому, солидаризуясь с Э. Дюркгеймом и Г. Зиммелем, Сорокин подчеркивал, что все элементы культуры, когда бы они ни были созданы, раз они включены в орбиту нашего сегодняшнего поведения, должны неизбежно считаться реальным элементом общества, наравне с индивидами и их отношениями. Более того, явление "социального взаимодействия" дано только тогда, настаивал Сорокин, когда психические переживания одного индивида (или их объективизация в "актах", "проводниках") вызывает психические переживания (и их объективизацию) у другого или многих индивидов [Там же. С. 44].

Однако психологическая интерпретация основ "социального взаимодействия" несколько сужала все виды общественных взаимодействий или отношений до весьма упрощенной личной связи между двумя индивидами, как единицы взаимной стимуляции и реакции. Причем, эта единица, взятая по линии социальных координат, концептуализировалась в понятии "группа", механическая совокупность групп обычно понималась как "общество". Но в родовом смысле именно "взаимодействие" и "группа" являлись в логике Сорокина синонимом понятия "общества". На это обстоятельство справедливо указали некоторые критики его ранней бихевиористической модели - Н. Кареев, С. Солнцев и другие. Конкретных форм взаимодействия в общественной жизни бесчисленное множество, скажем - взаимодействие матери и ребенка, жертвы и преступника, начальника и подчиненного, капиталиста и рабочего, продавца и покупателя, врача и пациента, учителя и ученика и т.п. Возможна ли их типология? Каков критерий выделения того или иного взаимодействия из общего океана этих событий? Что гарантирует социологическую ценность и значимость этого критерия?

Сорокин предлагает классифицировать их в зависимости от количества самих элементов взаимодействия в определенное историческое время и в определенном историческом месте. В зависимости от первого элемента социальной системы или индивидов им выделяются: а) взаимодействия по количеству индивидов (между двумя, одним и многими и т.п.); б) в зависимости от полиморфизма индивидов (взаимодействия между индивидами, принадлежащими к одной или разным группам - семье, государству, расе, возрасту и т.п.). В зависимости от природы "проводников": механические, тепловые, звуковые, свето-цветовые и другие взаимодействия. Благодаря подчеркиванию механического характера связи между стимулом и реакцией и методологическому упору на явное "наблюдаемое" поведение, социологический бихевиоризм как-то особенно подходил для всевозможных классификаций, придающих его конструкциям вид точной, объективной науки.

Как же ставил и решал вопрос о социальной интеграции, типе интегральных связей и их основе Сорокин в своей неопозитивистской, бихевиористической модели. Различные элементы "социального взаимодействия" объединяются в органическое, реальное единство, писал он, благодаря наличию причинно-функциональных отношений между тремя элементами взаимодействия: индивидами, "актами" и "носителями". Там, где нет тесной и постоянной функциональной связи, там нет и структурного единства, а есть простая пространственная близость и механическое сосуществование элементов, так называемые социальные конгломераты. Единство вокруг нормы, ценности, цели или так называемых - души народа, национального духа, группового разума, сознания рода и т.п.

поэтических образов, составляющих формально-типологические или телеологические единства, являются фикцией подлинной интеграции [Там же. С. 233,247-248].

Какие же факторы социальной интеграции (или социализации, по его словам) Сорокин считает наиважнейшими? Таковых три, отмечает он:

1. "Космическо-географическая" социализация индивидов: климат, территория и т.п.

Так, холодная русская зима интегрировала в единое целое многие стороны народного быта и культуры: избу, печь, валенки, полушубок, заунывные под вьюги песни, особые обычаи и развлечения. Географический детерминизм правильно подмечал многие зависимости этого вида, но слишком грубо и односторонне их преувеличивал.

2. "Биолого-физиологическая" социализация: основные инстинкты и стимулы, заставляющие людей вступать в многочисленные взаимодействия. Так, половой инстинкт лежит в основе самых разнообразных социальных явлений: проституции, супружеского союза, актов умыкания женщин, религиозного гетеризма, многоженства, изнасилования и т.п. [Там же. С. 261].

Влияние этих факторов огромно, благодаря ему социальные группы и общество часто возникали и возникают без всякой предумышленной цели, сознательного стремления, без всяких соображений о пользе, моральности, ценности объединения.

3. Но предыдущие факторы объединяют индивидов "механически", на почве этих механических связей со временем устанавливаются новые связи -

"социально-психические": внушение, подражание, эмоционально-интеллектуальные контакты и т.п. Эти новые интегральные связи или "психологическая социализация" в сочетании с двумя первыми и составляют подлинную объединяющую силу всех общественных явлений. Следует отметить, что это утверждение несколько противоречит ранее высказанным им же сомнениям в результативность интеграции вокруг нормы и ценности, т.е. знаменитых формул психологического редукционизма типа "сознание рода", "группового разума" и т.п. Спасение от психологического редукционизма он видит в более строгом учете "социализирующей роли" географических (среды) и биологических импульсов, структурно лежащих в основе большинства нитей, составляющих подлинную ткань любых социальных единств и структур. Прежде чем рассуждать о сложных результатах в виде социального института, организации или порядка, государства или власти и т.п., необходимо основательно изучить конкретные факты и мелкие формы "социализации" [Там же. С. 287].

Все это может быть и так. Однако зададимся вопросом: разве всегда перечисленные Сорокиным факторы только объединяют людей, разве нет случаев, когда они способствовали распаду "коллективных социальных единств"? Сколько угодно! В каких-то случаях они "скрепы", в каких-то наоборот - отталкивающие моменты. Сколько войн велось из-за территорий? Но тогда получается, что без выяснения специфических условий их проявления и детерминации то в одном, то в другом направлении мы не решим проблему. Сорокин это признает и пытается найти выход в построении иерархии интеграции в зависимости от разных уровней социальной статике.

В социальной статике, по Сорокину, существует несколько уровней общего взаимодействия, механизмы интеграции которых зависят друг от друга. Первый уровень - межиндивидуальные отношения, построенные на индивидуальных импульсах (биологических и психологических), они проявляются и становятся всецело социальными в непосредственных, "элементарных" группах. Под социальной группой вообще Сорокин

понимал форму взаимодействия, деятельности людей. Под "элементарной" группой - единение людей вокруг любого одного из признаков - пола, возраста, языка, профессии, веры, доходов и т.п. А дальше идет второй уровень - т.е. различные напластования и комбинации "элементарных" групп. Отношения между ними и создают своеобразные исторические условия, в которых перечисленные факторы социализации и интеграции работают в строго определенном направлении - соединяют или способствуют распаду. Но и сами эти межгрупповые отношения зависят от третьего уровня, а именно - отношений между "кумулятивными" группами, объединенными вокруг нескольких признаков. К ним относятся классы, нации, народности, элиты и т.п. Общество (или народонаселение) и есть общая совокупность всех перечисленных образований [5. Т. 2. С. 58].

Изучению проблем "социального пространства", т.е. системе внутригрупповых, статусных и межгрупповых отношений Сорокин посвятил второй том "Системы социологии". На какие слои и группы разбивается общество, каковы конкретные формы и направления расслоения, как индивиды циркулируют в слоях, а группы в структуре? Общество, - отвечал на эти вопросы Сорокин, - "подобно куску слюды, легко расслаивающемуся по отдельным слоям. Частицы слюды не одинаково прочно связаны друг с другом: по линии расслоения они легко расслаиваются, в пределах каждого слоя они крепче сцеплены взаимно" [6. Т. 2. С. 15].

Каждый индивид принадлежит к ряду систем взаимодействия (скажем - русский, православный, журналист, кадет, член общества любителей охоты и т.п.), которые представляют собою сложную совокупность координат, определяющих его социальное положение (статус), "физиономию" и поведение.

Общество расслаивается на множество слоев и социальных групп с тем отличием от куска слюды, что слои здесь идут не только горизонтально, но и вертикально, и во всех других направлениях, пересекаясь, скрещиваясь и пронизывая друг друга. Индивид в этих условиях оказывается членом (абонентом) множества социальных групп. Для социолога все эти группы, "и кружок фотолюбителей, и общественные классы" имеют равновеликое значения [5. Т. 2. С. 45].

Впрочем, в реальной общественной жизни наиболее могущественное влияние на своих членов и на других людей оказывают группы в зависимости от следующих свойств: количества собственных абонентов, степени распространенности, солидарности, организованности власти и размеров технического аппарата воздействия на поведение людей, в виде денег, печати, оружия, транспорта, знаний и навыков [Там же. С. 47-49]. Все специальные группы, "элементарные" и "кумулятивные", видятся Сорокину в трех системных видах: "закрытые" (принадлежность к ним не зависит от воли индивида - половая расовая, национальная группировка, каста, первичная семья); "открытые" (принадлежность к ним зависит от воли, сознательного выбора, наличествует свободная циркуляция индивидов - партийные, научные, религиозные, профессиональные группировки) и "промежуточные" (сочетающие частично свойства двух предыдущих - класс, сословие, вторичная семья). Монистические попытки установить основные линии социальной дифференциации по одной линии, одному из признаков (по расе, полу, семье, профессии, классам или нациям) являются, по Сорокину, односторонними и упрощающими. Он энергично отвергал все предыдущие и современные ему теории подобного рода.

Большое место во втором томе "Система социологии" занимает описание всевозможных

"элементарных" групп, их роли в общественной жизни. Весь этот обширный материал, охватывающий - расовые, половые, возрастные, семейные, языковые, профессиональные, территориальные, религиозные, партийные, статусные (беден - богат, объем прав и обязанностей), государственные группы он оценивал с точки зрения методологического плюрализма. Что можно сказать об этом описании в целом? В русской социологии до этой книги Сорокина не было подобного развернутого атласа социальной статистики. Отдельными группами, конечно, занимались, но "Системы социологии" отличается стремление свести все эти условия в одно целое. Отсюда известная иллюстративность, обилие "общих мест". Правда, некоторые из "элементарных" групп рассматривались им до и после опубликования "Системы социологии" более аналитично. Так, предметом специального и очень глубокого изучения стала семья [8], была интересная заявка относительно рефлексологии профессиональной группировки [9]. В этих случаях его главная мысль о полиструктурности общественной жизни, о важности каждой "элементарной" группы получила дополнительные доказательства и выглядела убедительнее, чем в общем информационном потоке "Системы социологии". Встречаются у него и откровенно сомнительные формулировки.

Серьезные нарекания вызывает весь раздел о государстве - этом сложнейшем социальном институте, который им упрощенно представлен как одна из "элементарных" социальных групп. Фактически он анализировал не государство, а группу подданных или граждан. Были в "Системе социологии" и новые группы, которыми русские социологи до него вообще не занимались. Так, он представил критическое описание элит как номинальных групп. Это было первое и единственное описание в отечественной литературе той поры.

Следующий раздел второго тома "Системы социологии" имеет дело с "кумулятивными" группами, объединяющих ряд "элементарных" групп в единое целое. Сорокин подчеркивает, что эти объединения как и их составные части так же выступают в "закрытой", "открытой" и "промежуточной" формах, строят отношение солидарно, антагонистично или нейтрально. Наибольшее внимание социологов, по Сорокину вызывали такие представители этого вида групп как общественные классы. Но основная масса социологов, использовала понятие классов и классовой борьбы без каких-либо аналитических определений класса, считая их чем-то очевидным и понятным. Некоторые социологи пытались дать определение. Так, в русской социологии было несколько попыток, Сорокин предложил свой вариант.

"Распределительная теория" (М. Туган-Барановский, П. Струве и другие) понимала под классом социальную группу, члены которой находятся в одинаковом социальном положении (статусе) по отношению к процессу общественного присвоения прибавочного продукта, произведенного ею или другими группами и вследствие этого имеют общие экономические и политические интересы и общих антагонистов. Подчеркивалось, что распределение материальных и культурных ценностей, кадров, денег, образования есть функции власти и собственности.

"Организационная теория" (А. Богданов, В. Шулятиков и др.) на первое место среди классовообразующих признаков ставила роль и возможность в организации общественной жизни как системы. "Командующие классы" были руководителями, организаторами жизни, другие классы - потребителями, исполнителями их воли.

И, наконец, "производственная теория" (В. Чернов, С. Солнцев и другие) рассматривала

классы как категории хозяйственного строя. Под классами при этом понимались группы лиц объединяемых одинаковым положением в системе общественного производства, плюс - общими источниками дохода, общностью объективных интересов.

Наряду с вопросом о "чистых" классах в русской социологии поднималась проблема "классоподобных" групп - интеллигенции, бюрократии, смешанных классов (типа "дворянская буржуазия") промежуточных - "средние классы". Сорокин был хорошо знаком с этими работами и марксистской позицией, комбинирующей ряд признаков класса, обнаруживаемых в отдельности в других теориях. Он определял класс как "кумулятивную" группу, сочетающую три "элементарных" группировки: профессиональную, имущественную и правовую и в силу их объединения получающую новые, дополнительные социально-психические, идеологические и т.п. характеристики. "Совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а, следовательно, имеющих тождественные... интересы, составляет класс" [5. Т. 2. С. 298]. В конкретной исторической действительности этот скелет обрастает дополнительными свойствами, наслоениями. Сходство профессии и обеспеченность правами влечет за собой обычно сходство образовательного уровня, вкусов, убеждений, симпатий, поведения и всего образа жизни людей одного класса. Из этих сходств вырастает типическая "конкретность и наглядность социально-психологической физиономии класса", делающая его "социальным типом". Позднее, в 1925-1926 гг. уже в США Сорокин конкретизирует эти положения в целой серии любопытных исследований и сопоставлений американских миллионеров и мультимиллионеров, европейских монархов и правителей, изменений профессионального и экономического статуса в американской семье в течение четырех поколений.

Антагонизм и борьба классов, наполняющая "своим шумом и грохотом последние века", в основном, на его взгляд, носит характер стихийного движения. "На историческом поле битвы редко борются только класс с классом... Борьба идет одновременно между слоями однородной группировки друг с другом и между слоями разнородных группировок", ибо класс не монолитен, а стратифицирован. Сколько же всего современных классов? По Сорокину, ответ будет относительным и опираться будет на исследовательские цели. Можно выделить два-три основных, можно большее количество и затем делить их на подклассы, роды и виды [Там же. С. 304]. Главное не в этом, а в том, что классы - это реальность, с которой должны считаться и исследователь, и политики. Когда позднее Сорокин перенес эти идеи в США, они произвели неожиданный эффект. Современные комментаторы оценили их выразительно: Сорокин разрушил "миф о бесклассовости американского общества и увлек новыми поисками большую группу специалистов". Некоторые составили впоследствии себе имя как раз на этом поприще. Ему они обязаны появлением "многих терминов и стандартов исследования".

Последняя важная тема "Системы социологии", впрочем, весьма эскизно намеченная в ней - социальные перегруппировки, изменение объема "элементарных" и "кумулятивных" групп и общества в целом, исчезновение одних групп и возникновение новых. С позиции функционализма Сорокин остро критикует общие эволюционистские теории, знаменитые формулы и законы "прогресса" объявляет фикцией и противопоставляет им законы функционирования, но социальные изменения как социологическую проблему не отрицает, хотя сводит ее к частностям - мобильным процессам, диффузиям, циклам. Социальные группировки населения в рамках социального целого представляют собой

"подвижное равновесие" и постоянно меняются, как в обычное мирное время, так и в случаях войн, революций и кризисов.

В эпохи революций наиболее показательные циркуляции происходят в имущественных группировках, массовом перемещении лиц и групп с одного этажа социальной лестницы на другой. Но сами имущественные группировки, постоянно подчеркивал Сорокин, сохраняются при более или менее полной перемене их состава. Огосударствление средств и орудий производства, превращение всех и вся в работников и служащих государственного "синдиката" вызовет только погашение индивидуального интереса и конкуренции в большинстве видов деятельности, даст "ограничение эффекта" и со временем продемонстрирует свою полную неэффективность [Там же. С. 4181.

Особое внимание социологи должны обратить на географические и территориальные перемещения. "Вопреки обычному мнению, чем далее, тем люди становятся менее и менее оседлыми [Там же. С. 420]. За один только день мировой транспорт перевозит такую массу людей, что в сравнении с ним так называемое великое переселение народов древности кажется безделицей. Позднее Сорокин назовет это перемещение "географической мобильностью". Но главное его внимание привлекает межгрупповое и внутригрупповое перемещение индивидов, индивидуальное и коллективное, т.е. мобильность социальная. Он ставил вопрос - существуют ли какие-нибудь постоянные тенденции в композициях социальных группировок, их изменениях? Вся предшествующая социология, особенно до трагических событий 1914 и 1917 гг. исходила из прямолинейных эволюционных законов. Нынешние времена убеждают в том, что эти "законы прогресса, эволюции, развития" были "псевдозаконами", социология последних десятилетий шла по ошибочному пути. Оптимизм эволюционистов, предлагающий элиминацию, засыпание всех или почти всех щелей социального неравенства, уничтожение социальной пирамиды - оказался наивным. Различия между богатыми и бедными, то значительны, то относительно снижаются (но не исчезают), правовые политические различия в условиях демократии несколько снижаются, в условиях деспотизма и тоталитаризма увеличиваются, власть то концентрируется в руках немногих, то в руках большего количества лиц, некие профессии то имеют высокий престиж, то уравниваются с другими. Нет единой линии прогресса в этих отношениях, а есть только повторяющиеся флуктуации, колебания, то расширение, то сужение размеров явлений.

Главным объектом социологии должна стать область повторяющихся во времени и пространстве социальных явлений, с этой точки зрения циклическая концепция Д. Вико и других циклистов "подлежит восстановлению в видоизмененном виде" [10. С. 4]. В конце 30-х годов он предпримет такую попытку, а пока противопоставляет законам развития законы функционирования и вновь возвращается к критике монистических теорий. Какой же методологический эффект он извлекает из нее?

Все теории "одного факторы" (даже очень важного) - экономический материализм, географический, демографический и т.п. детерминизм логически самопротиворечивы, тавтологичны и ошибочны, часто отождествляют, путают причинно-следственные связи с функциональными, хотя последние могут быть телеологического характера, преувеличивают силу излюбленного фактора, хотя не имеют единицы для ее измерения, искажают или упрощают механизм поведения людей и их взаимоотношений. Они догматичны, ибо напрочь игнорируют другие факторы и главное - систему их взаимодействия. Как и его учителя М. Ковалевский и Л. Петражицкий, он считал, что их

место в "музее патологических теорий в социологии".

Между тем, социолог, полагал Сорокин, временно может при изучении некоего порядка явлений сознательно избирать то одно, то другое явление в качестве центрального и сквозь призму его предлагаемых и реальных детерминаций и функций рассмотреть весь этот ряд. Естественно, помня об относительности этой позиции. Сорокин называл эту позицию "независимой переменной" и попытался продемонстрировать ее методологические возможности подробным рассмотрением влияния голода на общественную жизнь с позиции бихевиоризма, ибо стимулы голодной среды резко детерминировали поведение людей.

Резкое снижение "количества и качества продуктов питания, поступающих населению" определяло размеры и колебания различных социальных процессов - ритмы миграции, величину народных волнений, перераспределение богатств, централизацию политической жизни, падение рождаемости, изменения в идеологии, искусстве и науке [11]. Все эти зависимости доступны наблюдению, измерению и описанию (по совету И. Павлова и В. Бехтерева Сорокин предпринял научную командировку в голодающие районы Поволжья). Из этого материала можно извлечь эмпирические зависимости, а из них некоторые теоретические допущения более широкого порядка. Подобный путь мог бы, полагал Сорокин, исправить тупики предшествующей монистической, однофакторной социологии.

В этой связи у него возник замысел панорамной работы по истории социологии, подводящей итоги ее становления от О. Конта до 20-х годов нашего века. Она должна была составить последний том "Системы социологии". Кроме уже опубликованных двух томов последующие планируемые им пять томов должны были быть посвящены внутригрупповой дифференциации и расслоению социального пространства, т.е. стратификации, описанию хода, ритмов и направления циркуляции индивидов и групп в социальной среде, т.е. социальной мобильности, более подробному разъяснению состояния стратификации и мобильности в процессе революций, когда состав страт перетряхивается.

Именно эти тома и появились уже за границей, и хотя они не имели общей шапки - "Система социологии", они являлись детализацией и развитием основных бихевиористических программ и функциональных идей двух первых томов. В 1925 г. вышла "Социология революции", в 1927 г. - "Социальная мобильность", в 1928 г. - "Современные социологические теории" [12]. Американцы быстро поняли, что перед ними "вместительная кладовая идей", которую можно игнорировать только с серьезным ущербом для себя. Если бы Сорокин ограничился только этим кругом бихевиористических работ, он бы все равно получил мировое признание. Но научная жизнь его не остановилась на достигнутом.

По решению Ученого совета университета Сорокин совершает ряд командировок в другие города страны, в которых собирает информацию о формах преподавания социологии в отечественных университетах. Пытается (но бесполезно) улучшить это дело организацией летних сессий для преподавателей социологии разных университетов.

Звание профессора давало возможность заграничных командировок. Сорокин пытался оформить документы в США и Италию. В октябре 1921 г. в Италии планировался очередной Международной социологический конгресс, организационное бюро которого пригласило П. Сорокина выступить с докладом. В университете он получил

командировку на два месяца. Предполагалось, что помимо доклада, он попытается установить "научные связи с социологией Западной Европы и Америки". Но ему не удалось поехать на конгресс, так как в печати появились сообщения о раскрытии нового контрреволюционного "заговора", в состав которого попало более пятидесяти представителей русской интеллигенции, в том числе Н. Лазаревский, Н. Гумилев и другие. Вскоре эти невинные люди были казнены. В этих условиях было не до научных конгрессов.

Выступая на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г., П. Сорокин предложил новому поколению следовать идеалам индивидуальной свободы, инициативы и ответственности, кооперации, творческой любви, уважения к свободе других: защищать реформы вместо революции, самоуправление вместо анархии. В общем все эти ценности вписывались в идеологическую поддержку НЭПа [13. С. 10-13].

Однако, в советских газетах и журналах были вновь предприняты многократные нападки на П. Сорокина, появились критические статьи В. Ленина, Л. Троцкого, Г. Зиновьева, В. Невского, И. Боричевского и многих других. Между тем в практику высшей школы вводится некая замена защиты - публичный диспут по работам. Весной 1922 г. П. Сорокин успешно провел такой диспут по "Системе социологии" и был признан достойным звания "доктора социологии" [14]. Кстати, первый в истории русской науки. Вторым был К. Тахтарев. Тем временем разворачиваются новые репрессии против гуманитарной профессуры, арестованы философы Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Лапшин, Н. Бердяев, С. Франк. Намечается массовая депортация интеллигенции за рубеж. П. Сорокин попал в это число и осенью того же года был выслан из России. Вся дальнейшая научная деятельность его протекала в основном в США, куда он по приглашению американских социологов Э. Росса и Ф. Чэпина перебрался в 1923 г. после недолгого пребывания в Берлине и Праге. Как отнестись к факту департации? С одной стороны, это спасло ряд первоклассных умов от физической гибели, позволило им продолжать интеллектуальные русские традиции за рубежом. Так, многолетний друг П. Сорокина экономист Н. Кондратьев (они вместе учились еще в церковно-учительской школе, Черняевских курсах, а потом в университете) был ученым с мировой известностью, в нашей стране после необоснованных репрессий он был прочно забыт почти на полстолетия. Но, с другой стороны, высылка сразу же сказалась на снижении уровня отечественной социологии, социальной философии и других общественных наук. Социология ранее генетики и кибернетики испытала на себе удавки тоталитаризма. Однако П. Сорокин продолжал работать. Он основал в 1930 г. факультет социологии в Гарварде, за 12 лет, в течение которых Сорокин был деканом, факультет воспитал множество известных и популярных ученых (Р. Мертон, У. Мур, Ч. Лумис, Э. Шилз, Р. Бербер, Дж. Хоманс, Э. Тирьякан и другие).

Сорокин разработал несколько принципиальных концепций: социальной стратификации, мобильности, культурной типологии, истории социологии и другие, многие из этих замыслов возникли у него еще в России. Однако, на рубеже 20-30-х годов он разочаровывается в теоретических возможностях сциентизма и бихевиоризма и стремится создать новую "интегральную философию и социологию", объединяющую полезное, ценное в различных позитивистских и антипозитивистских вариантах мысли. На эти темы им написано множество статей и крупных монографий, среди них особо выделяется четырехтомная "Социальная и культурная динамика" (1937-1941 гг.), в

которой изложена впечатляющая картина циклической флуктуации европейской культуры почти за три тысячи лет [15]. В этой истории, по Сорокину, постоянно чередуются три главных "сюжета". Они составляют содержание трех интегрированных (логикозначимой связью) типов культур, отличающихся друг от друга стилевым своеобразием, в основе которых три различных системы ценностей. Стил культуры определяется следующими философскими посылами: представлениями о природе реальности, о природе потребностей, об уровне и методах их удовлетворения. Способ познания, с помощью которого получены эти представления и определяет стиль культуры, зная который можно вывести характерные для нее формы морали, искусства, религии, научного знания, преобладающие экономические и политические отношения, классы и институты. тип личности и виды социального поведения.

Соответственно конструируются три типа культур: "умозрительная" (Ideational), "чувственная" (Sensate) и "идеалистическая" (Idealistic). "Умозрительную" культуру характеризует доминирование элементов рационального мышления, ценности, одушевляющие ее - абсолютные, трансцендентные, императивные. В "чувственной" культуре господствующим оказывается материалистическое мировоззрение, в познании преобладают чувственные формы, а свойство целостности придает ей утилитарные, чувственные, гедонистические ценности. Наряду с "чистыми" существуют и несколько смешанных типов, логически интегрированным из которых оказывается лишь единственный - "идеалистический" тип. Это органический синтез двух полярных типов, появляющийся в истории тогда, когда в мировоззрении людей переплетаются материалистические и религиозно-идеалистические взгляды, преобладает интуитивный вид познания.

Исторический процесс, по Сорокину, есть циклическая флуктуация типов культур, а в основе механизма флуктуации - гносеологическая относительность каждого из трех способов познания. Каждый способ познания относителен, и культура, построенная на одном из них (либо чувственном, либо рациональном, либо интуитивном), таит в себе причину своего разложения, кризиса. Со временем "одноканальность" видения мира приводит к возрастанию элементов ложности в познании его сути. В этих условиях культура не может успешно справляться с выполнением своих функций, удовлетворять потребность человека в адекватной адаптации. Система ценностей культуры на определенном этапе дезинтегрируется и заменяется другой, соответствующей "новому" видению мира. Человеческие возможности постижения мира ограничены этими тремя способами познания, поэтому и не может возникнуть каких-либо принципиально новых форм культуры, вот почему история "обречена" на постоянное повторение в основных своих чертах, но в деталях она всегда нова и неповторима [16, Т. 1. Гл. 1-3].

Современную культуру Сорокин считал культурой "чувственного" типа. Констатируя ее кризисное состояние, он подробно анализировал различные формы его проявления. Причины кризиса - теоретические заблуждения чувственной системы истины и связанный с ними рост эмпиризма и материализма. В качестве путей выхода из кризиса Сорокин предлагал нравственно-религиозное возрождение человечества, признание принципа "альтруистической любви" главной и абсолютной ценностью, воплощающей в себе единение человека с "Абсолютом", переход к новой, более творческой, "умозрительной" культуре. Считая себя ответственным за духовное перерождение, обновление человечества современным, Сорокин стремился соединить свою теорию с практикой, предложив целую программу преобразования общества и культуры [17].

Работы Сорокина (а всего им написано сорок томов) были переведены на многие языки мира, критически прочитаны и прокомментированы. К концу жизни он был признан "живым классиком социологии", а в разных странах были организованы центры по изучению его вклада, появились престижные премии лучших социологических публикаций имени Сорокина. Он возглавлял одно время Американскую социологическую ассоциацию, был участником и организатором ряда международных конгрессов, членом многих академий мира. В 50-е и 60-е годы Сорокин активно выступал против милитаризации мира и ядерного противостояния, настаивал на сближении и сотрудничестве США и России. Мучительно обдумывал проблемы и судьбы мировой культуры.

Сорокин внимательно следил за состоянием российской социологии, радовался ее возрождению в начале 60-х годов, планировал написать об этом книгу. Он вступил в переписку с некоторыми деятелями этой науки. Радовался он и тому, что его сочинения начинают интересовать отечественных ученых. Он завещал часть своих книг библиотеке родного Санкт-Петербургского университета. Умер Сорокин в 1968 г., в том же году в нашей стране были защищены после долгого замалчивания его имени две первые кандидатские диссертации по его концепциям. С тех пор список их многократно увеличился. В обширной международной литературе "на темы Сорокина", как правило, рассматривается только его зарубежная деятельность. Между тем, его научное творчество едино, целостно, несмотря на сложные идейные метаморфозы, им перенесенные. Более того, хотя русский период был почти в три раза короче американского, именно он являлся основанием этой целостности, определив многие темы, версии направления научной работы поздних лет. Поэтому даже в западных университетах Сорокин оставался достойным воспитанником и представителем российской науки.

Когда осенью 1922 г. П. Сорокин, вынуждаемый преследованием и угрозой личной гибели, покинул родину, он увозил все свое имущество в двух чемоданах, заполненных экземплярами собственных статей, книг и восемью рукописями: "Война как социальный факт" (5 п. л.); "Оправдание мещанства и обывателя" (6 п. л.); "Социологические этюды. Сборник статей" (15 п. л.); "Голод как фактор" (15 п. л.); "Социологическое истолкование революции (12 п. л.): "Коммунистическое общество, его примеры в истории, его сущность, причины и следствия. Критическое изложение" (15 п. л.); "Система социологии. Учение о социальных силах", т. 3 (15 п. л.): "Класс пролетариев в ряду других социальных классов: антропология, психология и социология пролетариата" (20 п. л.) (18. С. 38]. Взрыв его творчества в США в 1925-1928 гг., так изумивший многих специалистов, был, в первую очередь, связан с этим богатством, добытым им в условиях бытовой неуверенности, отсутствия академических свобод, неуверенности в безопасности послереволюционных лет. Вот только некоторые иллюстрации этой связи. Четвертая в приведенном выше перечислении рукопись была отредактирована его женой Е. Сорокиной и опубликована в 1975 г. Пятая - вышла в свет в 1925 г. под названием "Социология революции". Седьмая, а так же части шестой и восьмой были опубликованы в 1927 г. под названием "Социальная мобильность", материалы первой нашли отражение в ряде статей и частично вошли в "Социальную и культурную динамику" (1937-1941 гг.). Работа "Общество, культура и личность" (1947 г.) триединую модель, вынесенную в заголовок, во многом продолжает в ключе анализа "элементарных" и "комплексных", многомерных социальных структур ранней "Системы социологии". Так что сильнейший эффект

русского задела обнаруживается достаточно убедительно.

Обычно, Сорокин, по его собственному признанию, очень редко перечитывал свои уже опубликованные работы. Но "Систему социологии" он однажды просмотрел в зрелые годы и понял - как многим он ей обязан в дальнейшей исследовательской деятельности. Это впечатление Сорокина можно с полным правом отнести ко всему его русскому периоду, а не только к двум томам "Системы социологии". Русский период творчества П. Сорокина важен не только там, где шло прямое наследование и перекличка разных этапов его эволюции, но и там, где имело место отталкивание, преодоление им старых позиций. Оба обстоятельства определяли разные стороны его интеллектуального развития и влияния.

Многие историки социологической науки считают, что ее "классический период" падает на 1840-1920-е гг., объединяя вклад О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма, Ф. Тенниса, М. Вебера, Г. Зиммеля. Сорокина считали последним социологом этого периода, старомодным и одиноким "классиком наяву". Однако молодые американские социологи 70-х годов, когда недостатки всех тогда существовавших теоретических течений вышли как-то наружу, противопоставили им лозунг - "Сорокин жив". Несмотря на задорную нарочитость, в нем по существу дела было много верного.

Пока Сорокин, как автор серии серьезных исследований, как сторонник теоретико-методологической интеграции остается нашим актуальным собеседником по многим проблемам социологической науки и общественной жизни - этот русско-американский ученый действительно жив. И может быть, является ориентиром в переинтерпретации классического наследия. Сорокин сильно воздействовал на умы и души людей своей нестандартной личностью и множеством глубоких работ. Говоря о таких людях, невольно вспоминаешь слова Лежнева, одного из персонажей тургеневского "Рудина", о его умершем друге: точно в запущенной и темной комнате неожиданно раскупили "забытую склянку с духами".